

УДК 29+2

DOI: 10.17223/1998863X/53/8

О.В. Кузнецова

ПРОЖИВАНИЕ ДУХОВНОГО ОПЫТА: ПРОБЛЕМА ПОИСКА КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

Анализируются духовный опыт женщин, способы его проживания. Оцениваются возможности выявления особенностей духовного опыта, в том числе в противопоставлении религиозному. Проведена серия глубинных интервью с женщинами, имеющими опыт духовного поиска, проживающими в крупных городах России. Обозначены трудности использования термина «духовность» в российском дискурсе, трудности различения духовного и религиозного опыта.

Ключевые слова: *духовность, духовный поиск, спиритуальный центр, религиозный опыт.*

Введение в проблему исследования

XX век стал богатым на разнообразные мировоззренческие сдвиги, в том числе проявляющиеся в секуляризационных и десекуляризационных процессах, появлении новых идентичностей, пересмотре места религии в жизни человека и возникновении новой духовности. Подобные процессы и трансформации наблюдаются и в современной России. Интересным представляется изучение внеинституциональной религиозности и такой самоидентификации людей, как «духовные, но религиозные». Количественные и качественные прикладные исследования по этой проблематике в России малочисленны. Причиной этого может быть отсутствие запросов научного сообщества, общества, государства на подобные исследования.

Сложность протекающих десекуляризационных процессов, самой духовности скорее схватывается качественными исследованиями, чем количественными. Однако в российских исследованиях возникает сложность идентификации духовности, внеинституциональной религиозности, которые либо относятся к Нью-Эйдж, куда включается все то, что отличается от привычного описания сферы религии, либо явления остаются незамеченными в силу того, что существующая реальность не укладывается в разделяемые большинством теоретико-методологические сетки. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что адекватного языка описания существующей реальности в российской социологии религии нет, поэтому нами анализируются трудности исследования проживания духовности российскими женщинами.

Концептологические основания исследования

Понятие «духовность» (spirituality, спиритуальность) становится востребованным и дискуссионным с 70-х гг. XX в. в западной социологии религии.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-33-00023-ОГН/19 «Гендерные и религиозные аспекты идентичности российских женщин в рамках спиритуально-коммерческого движения».

Понятия, охватывающие разнообразные религиозные, мистические и культурные поиски человека XX–XXI вв., «Нью-Эйдж» и «духовность / спиритуальность» для исследователей выступают зачастую как конкурирующие. Это следствие того, что нет исследовательских конвенций относительно данных понятий. Так, некоторые исследователи отмечают, что термин «Нью-Эйдж» включает слишком разнородные явления. В противовес этому понятие духовности относительно нейтрально в использовании, подходит для обозначения всех тех учений и практик, которые опираются на индивидуальный внутренний мир человека (*inner spirituality*) [1. С. 250]. Помимо этого, появляются такие понятия, как «альтернативная духовность» С. Сатклиффа, «экспрессивная духовность» П. Хиласа или «экспрессивный индивидуализм» Ч. Тейлора, которые призваны показать специфические аспекты духовности.

Другая часть терминологической проблемы описания духовности человека состоит в том, что духовность и Нью-Эйдж могут оцениваться некоторыми исследователями как антитеза «официальным», нормативным религиям. Одна из причин подобной оценки лежит в теологическом дискурсе, в защите своих конфессиональных позиций и критике конкурентов. О другой причине подобного взгляда на духовность, расположенной в области исследовательской оптики, пишет С. Сатклифф: «Старая модель „господствующей“ религии(ий) основывалась на особом взгляде на „официальную“, „реальную“, „легальную“ или „функциональную“ религию... Сейчас же неуместно рассматривать такие явления, как народная религия, новые религиозные движения, альтернативная духовность и индивидуальные духовные поиски, либо через призму одной версии – официальной версии – одной религиозной традиции, либо через призму социологии девиации» [2. С. 11].

В любом случае как сторонники, так и противники новых понятий указывают на изменения в стратегиях обращения человека XX в. к трансцендентному, в стратегиях поиска ответов на экзистенциальные вопросы. Исследователи отмечают, что все чаще эти вопросы решаются в рамках духовности, обладающей следующими чертами: индивидуализм, предлагающий стратегию личного поиска; личный опыт, выступающий главным критерием истины; вера в высшую силу; прагматизм и нацеленность на жизнь здесь-и-сейчас; критика религиозной бюрократии и религии; холизм; эклектизм; организационная составляющая духовности, предстающая в виде кратковременных сообществ.

По существу, понятие «духовность», как и некоторые другие понятия науки второй половины XX – начала XXI в., призвано преодолеть жесткие границы категорий, уйти от таких дихотомий, как «профанное / сакральное», «религиозное / секулярное», «повседневное / неповседневное» и др., а также отразить перемены в религиозной и секулярной сфере в отношении к трансцендентному в XX в. В науках о религии на место некогда более или менее конвенционального понятия «религия» приходят понятия, отражающие неоднозначность и текучесть отношения человека к религии и к секулярному в мире, а также самого способа существования этих явлений в мире. Возникают такие понятия, как «религиозность», «духовность», «живая религия», «внеинституциональная религия», «вера без принадлежности» и др. Таким образом, опираясь на идеи Б. Хусса [3, 4], мы рассматриваем духовность как новую культурную категорию, которая способствует ревизии одного из

основных дискурсивных конструкторов современности: фундаментальной бинарной оппозиции между религией и светским. В рамках настоящего исследования духовность будет пониматься как явление, возникающее вне религиозных институтов, на стыке личного религиозного и секулярного типов мировоззрения. Духовность ориентирована на опыт трансцендентного и не способствует возникновению никакой конкретной теологической системы. Она проявляется в духовных практиках, которые можно трактовать с позиции социально-топологического подхода П. Бурдьё [5], позволяющего через практики показать процесс воспроизводства символической реальности. Духовными практиками будут для акторов действия, наделенные смыслами. Возникающие духовные практики приводят к смене модели поведения человека по отношению к миру. Для этой модели характерны активная исследовательская стратегия, открытость множеству возможностей, неопределенность, движение, поиски и установление новых границ ценного, священного [6].

В современном мире происходит индивидуализация религиозного опыта, на фоне чего возникают «поскутная религиозность», «внеконфессиональная религиозность», «духовность». Это способствует тому, что в научном дискурсе возникает ряд дискуссий в отношении понимания самого религиозного опыта, насколько религиозный или духовный опыт должны пониматься различным образом, противопоставляться друг другу либо вытекать друг из друга.

В классическом понимании религиозного опыта исследователи выделяют две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя сторона религиозного опыта – это условно материальный религиозный опыт, который представляет собой практику воплощения верующим экзотерической стороны религии. Например, это участие в обрядах, в жизни религиозной общины, познание религиозных догматов и пр. Внутренняя же сторона религиозного опыта связана с возникающими у верующего ощущениями от общения со сверхъестественным, проживанием связи со сверхъестественным. Именно эта сторона религиозного опыта носит индивидуальный характер. В данном аспекте духовный и религиозный опыт сближаются. Но возникает вопрос, по каким критериям и основаниям духовный опыт и религиозный можно различать, можно ли вообще их различить?

Постановка проблемы

Явление духовности достаточно изучено на Западе, однако в России практически не исследуются формы духовности, духовный поиск, проживание духовного опыта. Происходящие процессы секуляризации, десекуляризации и демократизации религиозной сферы, духовности способствовали активному участию женщин в них. Именно женщины вовлечены в духовный поиск, ориентированный на использование индивидуальных стратегий. В этой логике мы следуем за зарубежными учеными, отмечавшими активное участие женщин в духовности [7–9]. Так, например, по оценкам британской исследовательницы в области гендерной и духовной проблематики Л. Вудхед, большинство последователей духовности – это женщины [9].

В качестве основной проблемы предлагаем проанализировать проблему проживания женщинами духовного поиска. Духовный поиск рассматривается нами как форма проявления духовности. В рамках эмпирического исследования предполагается фиксация ощущений, переживаний женщины внутри

«духовного поиска». Обращение к женскому духовному опыту осуществляется не в целях выявить особенности, связанные с гендерной принадлежностью, но чтобы зафиксировать первые формы ее существования в России. Особенности повседневного опыта российской женщины, безусловно, обуславливают специфику проживания духовного опыта: форматы обретения духовного знания, стратегии духовного поиска и т.п. Несмотря на специфику форм обретения духовного опыта, само его содержание носит универсальный характер. Подобные попытки описать и интерпретировать духовный опыт могут стать основой формирования новых теоретических рамок для исследования духовности в России.

Методология

Для решения поставленных вопросов было проведено эмпирическое исследование в рамках качественной стратегии. Данное исследование было направлено на изучение духовного опыта современных российских женщин, проживающих в крупных городах (Санкт-Петербург, Екатеринбург). Были поставлены следующие исследовательские вопросы: как женщина описывает свой духовный опыт? В каких категориях? Какие ощущения приводятся информантом для артикуляции «духовного» опыта, «духовного» поиска?

Качественная стратегия исследования выбрана, во-первых, в силу того, что она позволила нам осуществить своего рода разведывательное исследование в области этой проблематики. На данный момент количественных исследований о «духовных» практиках, стратегиях выбора тех или иных практик, мотивации женщин, их опыте «духовного» поиска в России не проводилось. Во-вторых, качественная методология обладает рядом преимуществ, поскольку позволяет зафиксировать те субъективные ощущения и переживания, с которыми женщина столкнулась в рамках духовного поиска, зафиксировать те изменения, которые происходят в мировоззрении женщин.

Эмпирической базой стали интервью с женщинами в возрасте от 23 до 62 лет. Интервью были проведены в период с 1 января по 31 августа 2018. Построение выборки было осуществлено по методу снежного кома. Одновременно присутствовали элементы квотной выборки: выбирались женщины, имеющие различное образование (высшее, среднее специальное), проживающие в разных городах (Санкт-Петербург и Екатеринбург были выбраны как крупные региональные столицы). Семейный статус женщин различный (среди информантов есть замужние, разведенные, не состоящие в отношениях, имеющие и не имеющие детей). Такая выборка должна была способствовать выявлению универсальных стратегий духовного поиска и форм проживания духовного опыта, не зависящих от таких переменных, как образование, место проживания, семейный статус, наличие или отсутствие детей. Интерпретация данных интервью проводилась с помощью техник открытого и осевого кодирования [10].

Обсуждение

Каждая из женщин сообщала об исходной точке, с которой начинались ее духовный поиск и опыт. Все информанты в результате появления внутреннего ощущения начинают свой путь движения к «чему-то». Они имели исходно разные цели, тем не менее начинали это движение в определенном со-

стоянии и в определенной ситуации. Позицию, из которой начинается духовный поиск можно интерпретировать в следующих категориях.

1. Жизненная ситуация. Информанты использовали для описания ситуации следующие характеристики: *«немного тяжелая»*¹, проблемная, требующая разрешения – *«неудачные отношения»*, *«зацепки»*, *«загоны»*, *«проблема с родителями, учебой, молодым человеком»*, *«после развода»*, *«нелады с семьей, ссоры с родителями»*, *«искала помощи»* и др.

2. Жизненные импульсы, желания. В некоторых случаях духовный поиск начинается под воздействием определенных желаний, безусловно связанных с жизненной ситуацией и проблемой: *«мне было важно разобраться»*, *«спокойно относиться к проблеме»*, *«хотелось новых отношений»*, *«на уровне хотелок»*; в отдельных случаях желание, импульс идут от недостатка, нехватки чего-то: *«не знаю, как с людьми взаимодействовать»*, *«не было знания, как жить»*, *«не было объективных психологических знаний»*.

3. Внутреннее состояние. Многие информанты описывают проблемы через психологические характеристики, психологические проблемы или психические состояния: *«комплексы»*, *«кризис»*, *«неудовлетворенность»*, *«внутренние проблемы»*, *«внутренняя рефлексия»*, *«поиск себя»*, *«нестабильность»*. Иногда это внутреннее состояние ориентировано на путь, процесс, поиск: *«интерес»*, *«настрой целенаправленности»*, *«большая настроенность»*, *«намерение»*.

4. Социальные рамки. Информанты реже осознают социальные причины духовного поиска, движения. Здесь всплывают следующие смысловые конструкции – *«стереотипы»*, *«стереотипы о предназначении, жизненных стратегиях»*, *«модно»*, *«состояние полузащиты от социума»*.

Мы пришли к выводу, что для преодоления ситуации, состояния или удовлетворения возникающего желания, погашения импульса женщины и начинают своего рода движение по пути «духовного» поиска. Большой частью информантов это движение осознается в категории «пути», более того, некоторые из них выделяют для себя этапы движения (подробнее см.: [11]).

В рамках эмпирического исследования нам удалось выявить несколько стратегий (инструментов), используемых женщиной для духовного поиска.

Во-первых, самостоятельный поиск. В рамках этой стратегии женщина в основном использует «духовную» литературу. Помимо книг это могут быть статьи, опубликованные на сайтах центров духовности, на личных страницах мастеров. Одним из превалирующих источников в этой стратегии выступают аудио- или видеозаписи тренингов, мастер-классов, лекций, семинаров конкретных мастеров и тренеров. Многие женщины либо сосредоточивались на конкретном авторе или тренинге, либо осуществляли постоянные переходы от одного мастера к другому (поиск *«того, что бы подошло»*). Очень часто после прочтения литературы, просмотра тренингов духовности женщина обращается напрямую в конкретный центр духовности (инструмент «организация»). Многие информанты выбирали центр, мастера по совету подруги, родственницы, уже имевшей опыт посещения этого центра, работы с конкретным мастером.

¹ Здесь и далее слова информантов приводятся курсивом.

Однако чаще всего в рамках духовного поиска используются активные инструменты: посещение мастер-классов, семинаров, тренингов, участие в медитациях, в ритуалах, о которых женщина могла узнать как самостоятельно из литературы, так и из участия или прослушивания семинаров, тренингов, мастер-классов. Все чаще можно наблюдать стратегию использования интерактивных инструментов (участие в онлайн-тренингах, мастер-классах и т.п.). В связи с распространением онлайн-формата в обучении духовности эта стратегия, на наш взгляд, будет со временем становиться все более используемой.

С точки зрения организации используемые женщинами стратегии можно подразделить на групповые и индивидуальные. Групповые стратегии, как правило, предполагают организацию группового семинара, мастер-класса у конкретного тренера или в спиритуальном центре. Индивидуальная стратегия может начинаться с самостоятельного освоения и включает как активные, так и интерактивные инструменты в зависимости от «исходной точки» духовного поиска. Специфика этой стратегии еще и в возможности женщины выбирать те форматы и инструменты, которые ей подходят: *«миксовать, составлять то, что подошло»*.

Сам процесс духовного поиска описывается нашими информантами через ряд «духовных» категорий. Именно в этом являет себя духовный аспект поиска. В других вопросах мы видим очень жесткую жизненную прагматику. Содержательно процесс наполнен работой с *«энергией»* женщины: происходит *«прокачка энергии», «проработка тела», «проработка физики», «энергетическая прокачка»*. Женщина учится *«выстраивать тело», «сконцентрироваться на нужном», «управлять энергиями», «работать над собой», «прочувствовать», «успокоить свой ум», «развивать свое сознание», «развивая сознание, становится более духовной»*.

В ходе духовного поиска, обретения духовного опыта информантами фиксируются определенные ощущения. Во-первых, значительная часть ощущений связана с самим ощущением процесса и усилиями, которые приходится прикладывать. Отсюда возникают смысловые конструкции *«долгая работа», «путь духовности», «духовный путь»*. Во-вторых, часть ощущений связана с открытиями или откровениями, озарениями, к которым женщина приходит. Чаще всего это внезапное или скоротечное ощущение: *«щелкнуло», «сковородкой по голове треснуло»*. Но не это внезапное озарение или откровение позволяет достичь результата, для результата нужна долгая кропотливая работа, в ходе которой женщина могла бы *«напитывать свой разум», «созревать как душа»*. По сути, женщина уверена, что приобретаемые знания носят характер личного откровения и действительности произошедшего контакта со сверхъестественными силами.

Так как духовный поиск мыслится как процесс длящийся, движение может быть бесконечным. Соответственно, речь идет об определенных промежуточных результатах. Движение на этом не останавливается, тем не менее информанты смогли описать и определить то, что достигнуто.

Во-первых, подавляющая часть изучаемой совокупности женщин в процессе производит оценку достигнутого. Иными словами, «что-то» полученное сопоставляется с исходной точкой: проблемой, ситуацией, состоянием, насколько полученное способствует их разрешению или преодолению. Это

«что-то» описывается в категориях «*эффект*», «*результат*», «*решение задачи*», «*эффективность*», «*смогла найти какие-то плюсы в этом*».

Во-вторых, с содержательной точки зрения среди наших информантов доминируют определенные психологические эффекты: «*подъем сил*», «*эмоциональный подъем*», «*воодушевление*», «*стабильность в эмоциональном плане*», «*открытость*», «*психологическое расслабление*», «*баланс*», «*суверенность*», «*спокойней становлюсь*», «*покой и ощущение гармонии*». Эти смысловые конструкции доминируют в описании достигнутого.

В-третьих, значительная часть результатов связана с желанием женщины контролировать и управлять будущим, т.е. выстраивать жизнь так, как хочется ей, избегать фактора случайности и внезапности. Здесь информанты отмечают важность умения «*ситуацию выруливать*».

Используемые в «духовных практиках» психотехники, элементы погружения в трансперсональный опыт, фрагменты религиозных ритуалов, измененные состояния сознания становятся одним из оснований для движения к «сверхъестественному», переживания сопричастности «сверхъестественному».

Заключение

Проведенное нами исследование подтверждает, что в социологии религии существует серьезная проблема поиска теоретических оснований исследования духовности, используемого категориального аппарата для описания появляющихся форм духовности и религиозности. Само слово «духовность», вошедшее в русский язык как калька с английского, нагружено определенными «культурными кодами», связанными с русской философской традицией, с ориентацией современного российского государства и общества на патристические ценности и «духовные скрепы».

1. У современной российской женщины присутствует имплицитная установка на духовность, проявляющаяся в ее готовности участвовать в духовных практиках, погружаться в духовный поиск, разделять идеи, близкие внеинституциональной религиозности, духовности.

2. Несмотря на сложности операционализации понятия духовности, наши информанты очень четко артикулируют свою позицию в отношении религии, обозначая духовные практики, в которых сами участвуют, как нерелигиозные.

3. В условиях отсутствия внятных критериев, что есть «духовность», духовный опыт, трансцендентный опыт, религиозный опыт, духовный поиск, в условиях полисемантической природы понятия «духовность» в российском дискурсе мы пришли к осознанию сложности поиска эмпирического объекта для исследования: в первую очередь, поиск осуществлялся в центрах духовности, поскольку именно в пространстве этих организаций очень четко артикулирована ориентация на духовные практики, способствующие духовному поиску.

4. Сам духовный опыт для нас стал достаточно сложной с исследовательской точки зрения проблемой. Если анализировать ощущения и переживания женщин внутри духовного опыта, то очень сложно различить духовный и религиозный опыт. Содержательно они имеют общие элементы: для них характерны сложная гамма противоречивых переживаний, ощущения причастности к сверхъестественной реальности, представления о трансцендентальных основаниях повседневного бытия, интерпретация каких-либо

объектов и событий собственной жизни как явлений священного. Если же оценивать способы обретения опыта, то здесь легко обозначается специфика именно духовного опыта: в него женщина погружается через духовные практики, синкретично соединяющие элементы разных верований и культов. Сами духовные практики носят индивидуальный характер, не требуют упорядоченной культовой жизни или определенных внешних условий для осуществления духовных практик. Интерпретация самого опыта или его результатов, даже если они схожи с религиозным опытом, происходит иначе: она свободна, ничем не ограничена, может происходить вне конфессиональных рамок, может быть обусловлена только социокультурными нормами, личным опытом.

Литература

1. Heelas P. Expressive Spirituality and Humanistic. Expressivism: Sources of Significance Beyond Church and Chapel // *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality* / ed. by S. Sutcliffe, M. Bowman. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. P. 237–254.
2. Sutcliffe S., Bowman M. Introduction // *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality* / ed. by S. Sutcliffe, M. Bowman. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. P. 1–13.
3. Huss B. Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular // *Journal of Contemporary Religion*. 2014. Vol. 29, № 1. P. 47–60.
4. Huss B. The Sacred is the Profane, Spirituality is not Religion // *Method and theory in the study of religion*. 2014. P. 1–7. URL: https://www.academia.edu/10782661/The_Sacred_is_the_Profane_Spirituality_is_not_Religion (accessed: 15.07.2019).
5. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
6. Wuthnow R. *After Heaven: Spirituality in America since the 1950s*. Berkeley, CA : University of California, 1998. 286 p.
7. King U. Spirituality and gender viewed through a global lens // *Religion, spirituality and the social sciences. Challenging marginalization* / ed. by Basia Spalek and Alia Imtoul. Bristol, 2008. P. 121–128.
8. Aune K. Feminist spirituality as lived religion: How UK feminists forge religio-spiritual lives // *Gender & Society*. 2015. Vol. 29 (1). P. 122–145.
9. Woodhead L. *Women and Religion* // *Religions in the Modern World. Traditions and Transformation* / ed. by L. Woodhead, P. Fletcher, H. Kawanami, D. Smith. London ; New York : Routledge, 2005. P. 388–411.
10. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
11. Кузнецова О.В., Смолина Н.С. Стратегии «духовного» поиска женщин (по материалам эмпирического исследования стратегий женщин, посещавших тренинги спиритуальных центров) // *Дискурс-Пи*. 2018. Т. 15, № 3–4 (32–33). С. 208–216.

Olesya V. Kuznetsova, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: olesyakzn@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 76–84.

DOI: 10.17223/1998863X/53/8

LIVING A SPIRITUAL EXPERIENCE: THE PROBLEM OF SEARCHING FOR A CONCEPTUAL BASIS (BY MATERIALS OF AN EMPIRICAL RESEARCH)

Keywords: spirituality; spiritual search; spiritual center; religious experience.

The problem of the article is the identification, description and analysis of modern Russian women's spiritual experience, methods of its living, and sensations. The author considers spiritual search as a manifestation of spirituality. The possibilities of revealing the features of spiritual experience, including in contrast to the religious one, are evaluated. To study the problem, a qualitative methodology was used (in-depth interviews were conducted with women with experience in spiritual search, living in large cities of Russia). Interpretation of semantic constructions is revealed within the

framework of coding (according to the methodology of the “grounded theory” by Anselm Strauss and Juliet Corbin). As a result, the nature of states and situations, which are the starting point of a spiritual search, is revealed. This nature is described as life impulses, desires, internal state, social framework, life situation. To overcome a situation, condition or to satisfy an emerging desire, to restrain the impulse, women begin “spiritual” search. In the course of their spiritual search, women use active and interactive, individual and group search tools. The informants describe the process of spiritual search through a number of specific categories, and, in this, the spiritual aspect of the search manifests itself. In the course of a spiritual search, gaining spiritual experience, informants fix certain sensations: a significant part of the sensations is associated with the sensation of the process and the efforts that have to be made; part of the sensations is associated with discoveries or revelations, insights to which a woman comes. The informants are sure that the acquired knowledge is their personal revelation, contact with the supernatural. The difficulties of using the term “spirituality” in the Russian scientific discourse connected with its association with certain cultural codes and conditions are also indicated. The difficulties of finding a theoretical framework for the study of spiritual experience in the sciences on religion, the difficulties of distinguishing between spiritual and religious experience are shown. The women revealed the presence of an implicit attitude to spirituality, manifested in women’s willingness to participate in spiritual practices, to immerse themselves in spiritual search, to share ideas close to non-institutional religiosity, spirituality. The informants clearly articulated their position regarding religion, designating spiritual practices in which they participate as non-religious. The results can be used in subsequent qualitative studies of spirituality in Russia and in the preparation of quantitative empirical studies.

References

1. Heelas, P. (2000) Expressive Spirituality and Humanistic. Expressivism: Sources of Significance Beyond Church and Chapel. In: Sutcliffe, S. & Bowman, M. (eds) *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*. Edinburgh University Press. pp. 237–254.
2. Sutcliffe, S. & Bowman, M. (eds) Introduction. In: Sutcliffe, S. & Bowman, M. (eds) *Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality*. Edinburgh University Press. pp. 1–13.
3. Huss, B. (2014) Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular. *Journal of Contemporary Religion*. 29(1). pp. 47–60. DOI: 10.1080/13537903.2014.864803
4. Huss, B. (2015) The Sacred is the Profane, Spirituality is not Religion. *Method and Theory in the Study of Religion*. pp. 1–7. [Online] Available from: https://www.academia.edu/10782661/The_Sacred_is_the_Pro-fane_Spirituality_is_not_Religion (Accessed: 15th July 2019). DOI: 10.1163/15700682-12341333
5. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical Meaning]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.
6. Wuthnow, R. (1998) *After Heaven: Spirituality in America since the 1950s*. Berkeley, CA: University of California.
7. King, U. (2008) Spirituality and gender viewed through a global lens. In: Spalek, B. & Imtoul, A. *Religion, spirituality and the social sciences. Challenging marginalization*. Bristol: Bristol University Press. pp. 121–128.
8. Aune, K. (2015) Feminist spirituality as lived religion: How UK feminists forge religio-spiritual lives. *Gender & Society*. 29(1). pp. 122–145. DOI: 10.1177/0891243214545681
9. Woodhead, L. (2005) Women and Religion. In: Woodhead, L., Fletcher, P., Kawanami, H. & Smith, D. (eds) *Religions in the Modern World. Traditions and Transformation*. London; New York: Routledge. pp. 388–411.
10. Strauss, A. & Corbin, J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
11. Kuznetsova, O.V. & Smolina, N.S. (2018) Strategies of the “Spiritual” Search of Women (Based On Empirical Study of the Strategies of Women Attending Trainings at Spiritual Centers). *Diskurs-Pi-Discourse-P*. 15(3–4). pp. 208–216. (In Russian). DOI: 10.17506/dipi.2018.33.4.208216